

Тихомиров Лев Александрович

**Монархическая
государственность**

Часть 4

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Л34

Л34 **Лев Александрович Т.**
Монархическая государственность: Часть 4 / Тихомиров Лев Александрович –
М.: Книга по Требованию, 2022. – 338 с.

ISBN 978-5-519-76843-6

ISBN 978-5-519-76843-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Я вѣрю, что въ различныхъ лагеряхъ, своей враждой раздражающихъ Россію,—есть искреннее убѣжденіе, есть любовь къ общественному благу, и къ родинѣ. А между тѣмъ они, въ своей междуусобицѣ, доходятъ до подрыва не только силъ своей родины, но даже принциповъ общечеловѣческаго блага.

Что же можетъ вывести людей изъ этой междуусобицы, какъ не заговорившій голосъ разума и сознанія?

Этотъ голосъ разума и сознанія моя книга, я вѣрю, не можетъ до извѣстной степени не вызывать. А поскольку онъ вызывается у людей, постольку междуусобица замѣняется у нихъ творческой работой.

Укажу примѣръ, прямо связанный съ предметомъ моей работы. Теперь—все толкуютъ о монархіи, раздаются голоса за и противъ, раздается ожесточенное отрицаніе и категорическое утвержденіе... Но о чемъ же именно идутъ споры? О словѣ ли «монархія» или о какомъ-либо реальномъ учрежденіи? Монархію ли порицаютъ ея противники? Была ли «монархія» именно въ томъ, на что они нападаютъ?

Въ этомъ вопросѣ вся сущность дѣла, а о немъ то и не думаютъ, до такой степени, что даже не знаю, хорошо ли поймутъ мои слова?

Что сказали бы сторонники демократіи, если бы ее отрицали на основаніи практики «охлокраціи»? Развѣ критиковать охлократію значитъ критиковать демократію? На этой почвѣ можно сколько угодно ссориться и рѣзаться,—но безъ малѣйшаго толку. Точно также защитникъ охлокраціи—можетъ ли быть названъ защитникомъ демократіи? Совершенно наоборотъ,—это несомнѣнно вреднѣйшій чловѣкъ для демократіи...

Дѣло въ томъ, что всякій принципъ верховной власти имѣетъ своимъ условіемъ извѣстную, соотвѣтственную ему *организацию націи и государства*. Безъ этого, онъ не только не можетъ дѣйствовать, но иногда просто не существуетъ. Тамъ, гдѣ демократія не организована, и вслѣдствіе этого—дѣйствуетъ не народъ, а случайныя скопища толпы, противорѣчивыя,

озвѣрѣлыя, разрушающія дѣло одна другой—тамъ совершенно нѣтъ демократіи. Есть фальшивая вывѣска, но демократіи нѣтъ, ибо демократія есть правленіе народа, а не случайныхъ кучекъ людей, которыя столь же мало выражаютъ народное правленіе, какъ правленіе единоличное или аристократическое.

Совершенно то же самое примѣнимо и къ вопросу о монархіи. Монархія вовсе не состоитъ въ произволѣ одного человѣка, и не въ произволѣ бюрократической олигархіи. Поскольку все это существуетъ—монархія находится въ небытіи, и странно критиковать ее на основаніи того, что происходитъ тамъ гдѣ ея нѣтъ. Монархія состоитъ въ единоличномъ выраженіи идеи всего національнаго дѣлага, а чтобы это могло быть фактомъ, а не вывѣской, необходима извѣстная организація и система учреждений. Слѣдовательно въ спорѣ о монархіи — прежде всего долженъ являться вопросъ о томъ — была ли она въ данномъ случаѣ или нѣтъ?.. Лишь по рѣшеніи этого, возможно разсужденіе о томъ, хорошо ли было ея дѣйствіе.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда установлено *alibi* данаго принципа, дальнѣйшее разбирательство — само собою прекращается, и замѣняется розысканіемъ того, что же было на его мѣстѣ? Какой принципъ, какая комбинація принциповъ?

Полагаю, что на этой почвѣ стихло бы не мало споровъ, и они замѣнились бы совмѣстнымъ исканіемъ осуществленія тѣхъ условій, при которыхъ желательный для насъ принципъ способенъ существовать въ дѣйствительности...

Моя книга приводитъ именно къ опредѣленію условій реальнаго существованія монархическаго принципа. Эти условія могутъ осуществляться различными программами, въ выработку которыхъ я не вхожу. Это дѣло уже не теоріи а практики, искусства, соображенія обстоятельствъ и т. п. Это есть задача государственнаго человѣка, и политическихъ партій. Задача теоріи — указать лишь общія основы существованія и дѣйствія того или иного принципа, и она очень важна, ибо безъ познанія этихъ основъ невозможна никакая разумная практическая программа. Поскольку я правильно понялъ и

установилъ ихъ въ отношеніи монархической государственности, постолько книга моя даетъ и для практики то, чего можно требовать отъ теоретическаго изслѣдованія.

Дѣло самой практики рѣшать, чѣмъ она хочетъ или можетъ воспользоваться изъ указаній теоріи. Мое же дѣло, какъ автора настоящей книги, было лишь опредѣлить условія, при которыхъ монархическій принципъ возникаетъ и живетъ, и при какихъ онъ уничтожается, каковы учрежденія, осуществляющія его идею и способность къ дѣйствию, и каковы учрежденія, ведущія его къ упраздненію.

Л. Тихомировъ.

12 іюля 1905 г. Вѣнѣ.

Государственная Дума 1905 г.

Печатаніе настоящей книги было почти закончено, когда появился Высочайшій Манифестъ 6 августа 1905 г., создавшій въ ряду русскихъ высшихъ государственныхъ учреждений Государственную Думу, изъ «выборныхъ людей» или представителей народа.

Это новое учрежденіе имѣетъ столь близкое отношеніе къ разбираемой въ V отдѣлѣ системѣ монархическаго управленія, что нельзя не остановиться на нѣкоторой его характеристикѣ.

Послѣ всего сказаннаго у меня о необходимости сочетанной системы управленія (см. главы XXXIV, XXXVIII, XXXIX, XL), излишнее повторять, что Государственная Дума, по основной идеѣ, пополняетъ важный пробѣлъ, доселѣ существовавшій въ нашихъ учрежденіяхъ. Но въ практической постановкѣ ея проявляется двойственность характера.

Съ одной стороны Государственная Дума является, какъ учрежденіе чисто монархическое. Высочайшій Манифестъ 6 августа 1905 года, призывая на законосовѣтательную работу выборныхъ отъ народа людей, оговаривается, что этимъ не ограничивается Царское Самодержавіе.

«Сохраняя неприкосновеннымъ основной законъ Россійской Имперіи о *существованіи самодержавной власти* *), сказано въ

*) Статья 1-я перваго раздѣла основныхъ законовъ гласитъ: *„Императоръ Всероссійскій есть Монархъ Самодержавный и неограниченный. Повиноваться верховной Его власти не токмо за страхъ, но и за совѣсть Самъ Богъ повелѣваетъ.“*

Манифестъ, признали Мы за благо учредить Государственную Думу» и т. д. Присяга членовъ Думы также гласитъ: «Мы, нижепоименованные, обѣщаемъ передъ Всемогущимъ Богомъ исполнять возложенныя на насъ обязанности членовъ Государственной Думы по крайнему нашему разумѣнію и силамъ, храня вѣрность Его Императорскому Величеству Государю Императору и Самодержцу Всероссійскому» и т. д.

Исходя, такимъ образомъ, изъ идеи неизбежности монархическаго самодержавія, Манифестъ 6 августа 1905 г. раскрываетъ намѣренія законодателя, упоминая, что, во-первыхъ, еще въ 1903 г. Высочайшая мысль была озабочена «установленіемъ прочнаго строя въ мѣстной жизни» и «согласованіемъ выборныхъ общественныхъ учреждений съ правительственными властями»; во-вторыхъ, Высочайшая воля рѣшила теперь «призвать выборныхъ людей отъ всей земли русской къ постоянному дѣятельному участію въ составленіи законовъ, включивъ для сего въ составъ высшихъ государственныхъ учреждений особое законсовѣщательное установленіе, коему предоставляется предварительная разработка и обсужденіе законодательныхъ предположеній и разсмотрѣніе росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ».

Въ самомъ «учрежденіи» (то-есть уложеніи или уставѣ) Государственной Думы, ей предоставлена еще болѣе широкая компетенція. По статьямъ 34, 54, 55, 56, 57, ей открыты пути законодательной инициативы, по статьямъ 35, 58, 59, 60, 61—дано право запросовъ министрамъ, т.-е. контроля за дѣйствіями исполнительной власти.

Эта широкая компетенція новаго учрежденія сама по себѣ ни мало не противурѣчитъ монархической идеѣ. Какъ сказано въ главѣ XL, общественными силы въ высшемъ государственномъ управленіи, полезны именно среди функцій законодательныхъ и контрольных. Такимъ образомъ, всю эту сторону новаго учрежденія должно признать строго выдержанной съ точки зрѣнія монархической идеи, приступившей къ созиданію сочетанной системы управленія.

Но переходя къ практическому осуществленію предначер-

таній законодателя, мы не можемъ замѣтить этой выдержанности.

Уставъ Государственной Думы возбуждаетъ немало критическихъ замѣчаній даже съ редакціонной стороны*). Но гораздо важнѣе то, что система выборовъ установлена въ немъ безъ выдержанной принципиально точки зрѣнія.

Высочайшій манифестъ 6 августа создаетъ чисто *монархическое* учрежденіе. Принятая же уставомъ система выборовъ давая преобладаніе общегражданской идеѣ — тѣмъ самымъ неизбежно вводитъ въ Думу зародыши парламентаризма.

Логической посылкой, изъ которой, по мысли законодателя, вытекаетъ учрежденіе Государственной Думы, являются слова манифеста о томъ, что «государство Россійское созидалось и крѣпло неразрывнымъ единеніемъ царя съ народомъ и народа съ царемъ», и что «согласіе и единеніе царя и народа—великая нравственная сила, созидавшая Россію въ теченіе вѣковъ»... Учредительная разработка этихъ посылокъ, очевидно, должна бы проникнуться національнымъ историческимъ духомъ,

*) Такъ, уставъ (учрежденіе) Государственной Думы не достаточно согласованъ даже съ Высочайшимъ манифестомъ. Въ манифестѣ указано на давнее названіе законодателя „согласовать выборныя общественыя учрежденія съ правительственными властями“. Въ уставѣ Думы не сдѣлано для этого ничего, хотя, казалось бы, это было достижимо отведеніемъ въ ней какого-либо мѣста представителямъ отъ земскихъ и городскихъ управленій. Съ другой же стороны — уставомъ Думы ей даны такія права, о которыхъ совершенно не упоминается въ манифестѣ (законодательная инициатива и запросы министрамъ).

Будучи поставлена въ тѣсную связь съ Государственнымъ Совѣтомъ, Государственная Дума не согласована и съ этимъ учрежденіемъ. Она подчинена ему, и дѣйствуетъ въ значительной мѣрѣ только черезъ него, а въ то же время облечена правами, которыхъ не имѣетъ самъ Государственный Совѣтъ.

Опредѣленіе компетенціи Государственной Думы приходится разыскивать по различнымъ статьямъ устава, при чемъ общій духъ статьи 1-й и 33-й представляетъ замѣтную разницу. Нерѣдко самыя выраженія устава Государственной Думы не достаточно ясны: что значитъ, напримѣръ, выраженіе „вѣденію Думы подлежатъ *предметы*, требующіе изданія законовъ и штатовъ“. Что такое „предметы“ и почему они такъ связаны со „штатами“, которыхъ въ многихъ случаяхъ можетъ и не быть? Регламентура непремѣнное раздѣленіе Думы на отдѣлы, и даже предписывая ихъ минимальное и максимальное число, уставъ однако не опредѣляетъ, что именно подлежитъ ихъ вѣденію. Всѣ такія несогласованности и неясности, разумеется, крайне неудобны въ актѣ столь важнаго значенія.

а потому дать въ составѣ выборныхъ людей именно выразителей нуждъ и мысли русской земли, то есть русскаго народа въ его социальныхъ слояхъ, гдѣ только и живутъ дѣйствительная мысль и дѣйствительные интересы всякаго народа.

Во главѣ XXXIX настоящей книги указано существенное различіе «монархической» и «демократической» идеи народнаго представительства. Отсылая читателей къ этой главѣ, я лишь кратко напому, что «монархическое представительство» — по существу національно и создается представительствомъ социальныхъ слоевъ. Въ примѣчаніи на стран. 207 и 208 приведена приблизительная схема того, какимъ образомъ въ настоящее время могло бы быть выражено сословно-социальное представительства «всей русской земли». Если намъ требуется то же самое представительство, которымъ едилилась земля съ царемъ въ прежніе вѣка, то его можно получить только такой же системой выборовъ, а никакъ не ставя ихъ на почву *общегражданскую*.

Эта послѣдняя, какъ подробно уясняется въ настоящей книгѣ, пригодна лишь для представительства верховной власти народа, а вовсе не для выраженія его духа, желаній и мысли.

Въ уставѣ Государственной Думы усвоена, однако, именно система выборовъ почти всецѣло на основахъ общегражданскихъ. Сдѣлано нѣкоторое исключеніе для крестьянъ (51 депутатъ), и казаковъ (3 депутата). Остальные 358 выборныхъ членовъ думы посылаются народомъ на общегражданскихъ началахъ, по большинству голосовъ, не различая даже русскихъ отъ инородцевъ. Национальная идея при этомъ столь же отсутствуетъ какъ и социальная. Между тѣмъ единеніе царя и народа, которымъ созидалась Россія, имѣло мѣсто именно въ средѣ русскаго народа, а не среди поляковъ, евреевъ, армянъ и т. д. Конечно, *все* подданные могутъ вносить свою лепту въ сокровищницу царскаго законосовѣщанія, но при безусловности выборовъ требуется нѣкоторая пропорциональность, которая, по крайней мѣрѣ, не допускала бы заглушенія русскихъ голосовъ инородческими или даже анти-русскими. Въ принятой уставомъ системѣ выборовъ даже и это не обезпе-

чено. Можно было бы предположить, что численное большинство русского народа само собою даст ему преобладание въ Думѣ, но это возможно было бы только при *всенародномъ* и *прямомъ* голосованіи *). Уставъ же Думы вводитъ *двойную* подачу голосовъ и очень высокій имущественный *цензъ*, которымъ отъ выборовъ отстраняются огромныя массы русскаго народа и повсюду даются преимущества не русскимъ элементамъ, вообще болѣе богатымъ. Такъ, все городское фабрично-заводское населеніе—то есть сотни тысячъ очень, сравнительно, развитыхъ представителей народа, имѣющихъ весьма важныя и сложныя нужды,—совершенно не допущены къ выборамъ.

Городское представительство попадаетъ въ руки лицъ только состоятельныхъ, такъ что, напримѣръ, по городу Москвѣ, съ ея 1.200,000 населеніемъ, предвидится едва ли болѣе 15,000 избирателей. Но, если этотъ цензъ въ Москвѣ имѣетъ только социальныя недостатки, то во многихъ губерніяхъ онъ рискуетъ отдать представительство такимъ инородцамъ, какъ нѣмцы, поляки и даже евреи, въ ущербъ русскимъ, составляющимъ большинство. Имущественный цензъ, поставляемый единственнымъ мѣриломъ пригодности человѣка къ Царскому законосовѣщанію, во многихъ мѣстностяхъ можетъ получить значеніе прямо *антинаціональное*.

Нечего и говорить, что общегражданская система выборовъ, совершенно игнорируетъ законосовѣщательное значеніе высшей церковной іерархіи и духовенства, которое вообще можетъ попасть въ Думу лишь совершенно случайно.

Въ томъ единеніи, которымъ росла и крѣпла Россія, народъ совершенно иначе являлся на дѣло царскаго законосовѣщанія.

Конечно, общегражданская теорія предполагаетъ (см. гл. XXVII), что социальное представительство можетъ сложиться

*) Вообще ясная политическая идея указываетъ намъ одно изъ двухъ: 1—или *соціально-сословную* систему представительства, единственно способную выразить народную мысль и желанія, и единственно охраняющую народную самостоятельность, или 2—*общегражданскую систему*, но тогда уже съ необходимыми для ея смысла условіями, то есть выборами *всенародными* и *прямыми*.

путемъ *партийнымъ*. Но, во-первыхъ, цензъ и система двойныхъ выборовъ мѣшаютъ даже и этому, такъ какъ, напримѣръ, фабрично-заводскіе рабочіе никакими способами не могутъ выдвинуть своихъ выборныхъ. Сверхъ того, заставляя русскій народъ, для выраженія своихъ нуждъ и мысли, прибѣгать къ формированію политическихъ партій, мы тѣмъ самымъ неизбежно порожаемъ слой *политикановъ*. А съ появленіемъ этого слоя—непремѣнно должна выдвинуться идея парламентарная.

Сопоставляя такимъ образомъ намѣренія законодателя, выраженные въ Манифестѣ, и ихъ практическое осуществленіе въ уставѣ Думы, нельзя не видѣть внутренняго противурѣчія, которое, конечно, должно отразиться и на дѣятельности Думы. Но если это случится, то въ ея законосовѣщательную дѣятельность приносится то самое зло, устраненіемъ котораго была озабочена мысль законодателя объ искорененіи *разлада* между выборными и правительственными властями. Было бы, очевидно, совершенно несогласно съ цѣлями законодателя, если бы этотъ разладъ былъ, наоборотъ, принесенъ и въ среду высшихъ государственныхъ учреждений.

Въ самомъ Высочайшемъ манифестѣ 6 августа уже теперь предусматривается, что вводимое учрежденіе можетъ потребовать измѣненій. Безъ сомнѣнія, жизнь укажетъ такую необходимость особенно ярко въ отношеніи системы выборовъ членовъ Думы. Не легко будетъ дѣло ея усовершенствованія. Неразработанность монархической государственной идеи и анти-научныя суевѣрія въ отношеніи идеи сословности, которую современная государственная наука разучилась понимать въ ея истинномъ, «соціальномъ», смыслѣ, конечно, будутъ и впредь много мѣшать надлежащему усовершенствованію государственной Думы въ направленіи современныхъ потребностей жизни которая никогда сильнѣе чѣмъ нынѣ не требовали замѣны общегражданскаго представительства—соціальнымъ.

Если Россіи суждено создать истинное народное представительство, то это возможно исключительно путемъ организаціи соціальныхъ слоевъ и выборами лицъ именно отъ нихъ. И такъ какъ среди членовъ Государственной Думы, во всякомъ слу-

чаѣ, явится не мало людей, которымъ дорого разумное устройство родной земли, а не политиканская карьера, то я позволяю себѣ усерднѣйше обратитъ ихъ вниманіе на то, что достигнуть истинно *народнаго* участія въ государственной дѣятельности немислимо иначе, какъ съ совершеннымъ упраздненіемъ идеи *общегражданскаго* представительства, и съ созданіемъ на его мѣсто — *соціально-сословнаго*.

Если же всѣ уроки парламентарныхъ странъ недостаточны, чтобы предохранить Россію отъ тяжелаго искуса и, послѣ періода бюрократической узурпаціи, ей суждено пройти также періодъ политиканской узурпаціи, то дай Богъ, чтобы, ставъ причастными политической жизни, Русскіе, по крайней мѣрѣ, поскорѣе поняли грядущія указанія опыта относительно разумныхъ нормъ народнаго участія въ управленіи.

Л. Тихомировъ.

24 августа 1905 г. Москва.
